

43-57

Инв. № 3466

СЫНЫ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Рассказы и очерки

ЧУВАШСКАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
г. Чебоксары Чувашской АССР

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ—1943

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Мы гордимся сынами Чувашни	3
„Голубая двойка“	4
Наш земляк Г. Габайдулин	10
К новым боям и победам	12
Борис Васильев	13
Боевой летчик Никита Зарубин	15
Прославленный штурман	17
355	20
Я истребил 355 немцев	25
Снайпер - командир	27
Подвиг чуваша Бамбурина	30
Сыны чувашского народа	31
Священное знамя	35
Лесной бой	40
Рождение бессмертия	46
Песня о пулеметчике Иване Смирнове	50

Общая редакция *М. А. Андреева*

Редактор Чувашгиза *С. А. Шумков*.

НТ 709, Подписано к печати 17-V-43 г. Объем 1,625 п. л.
Заказ № 306. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии № 1 Управл. полиграф. пром. при СНК
Чувашской АССР г. Чебоксары

Мы гордимся сынами Чувашии

Бойцы, командиры и политработники соединения, где командиром сын Чувашии, Герой Советского Союза подполковник Вячеслав Петрович Винокуров, благодарят чувашский народ за воспитание славных бойцов, подлинных патриотов социалистической отчизны.

Ваших земляков в нашей части немало. Их имена овеяны неувядаемой славой.

Не раз водил нас в бой молодой талантливый командир В. П. Винокуров. Под его командованием наши грозные танки беспощадно истребляли немецко-фашистских оккупантов.

Не щадя своих сил и жизни, сражаются с немецкими захватчиками ваши питомцы Дмитрий Артемьевич Артемьев, Семен Николаевич Никитин, имеющие правительственные награды. Большой любовью и уважением пользуются среди нас братья — минометчики Александр и Куприян Назаровы, танкист Михаил Сергеев, шофер Фома Корольков и др. Все они происходят из Чувашской республики.

Мы гордимся сынами чувашского народа.

Вероломно напавшие на нашу родину гитлеровцы и их приспешники рассчитывали рас-

членить многонациональный советский народ, сделать его рабом. Но они жестоко просчитались. Наш народ еще теснее сплотился вокруг партии Ленина—Сталина. Он ведет героическую борьбу против немецких оккупантов.

Жизнь, которую мы познали за 25 лет Великого Октября, дорога каждому трудящемуся. Вот почему так стойко мужественно и отважно защищается бойцами Красной Армии каждая пядь родной советской земли.

Заверяем трудящихся Чувашии, что мы будем и впредь, не щадя своих сил и жизни, сражаться с ненавистным врагом.

Недалек тот день, когда многонациональная семья советского народа заживет снова счастливой и радостной жизнью, когда и на нашей улице будет праздник.

Полковой комиссар Тимофеев,
майоры Рожин, Нода, Гапонинко,
капитан Дмитриев.

„Голубая двойка“

Вот он стоит на снежном поле аэродрома четырехмоторный бомбардировщик. На высоком стабилизаторе яркой голубой краской выведена цифра „2“. Так и называют его летчики: „Голубая двойка“.

История этой машины, ее послужной список

начались за несколько лет до войны. Первым летал на ней героический капитан Гастелло. Это был летчик, который не щадил себя во время учения. Он способен был целые дни проводить в полетах. Полеты по кругу, по району, в облаках, на больших и малых высотах. Днем и ночью, летом и зимой. Всегда и везде Гастелло мог много и каждый раз по-новому интересно рассказывать о своей профессии, которую он любил, как и саму жизнь. И все, кто с ним вместе жил и работал, многому у него научились. Сотни летчиков на всех фронтах часто говорят теперь:

— Я учился у Гастелло.

И среди этих летчиков с особой гордостью об этом говорит капитан Федот Орлов. Это гордость ученика высокой славой своего учителя. Это гордость за то, что сейчас Федот Орлов летает на той самой „Голубой двойке“, на которой летал его учитель Гастелло.

В устах пилота эти слова звучат как клятва. Имя Гастелло, как знамя, освещает трассу в самую темную ночь и помогает выйти на цель даже тогда, когда кажется, что сквозь огневую завесу, сквозь бушующую огненную массу стали, несущей смерть, не пробиться не только самолету, но не пролететь и снаряду.

Есть летчики, старые, опытные летчики, которые днем способны летать, как птицы. Но ночью эти же летчики, как птицы, слепы и беспомощны. Орлов летает и ночью, и днем.

В самые темные ночи Северо-Запада он, как при дневном свете, легко поднимал в воздух свой тяжелый самолет и улетал на запад.

В любом бою, в любом полете сопутствует Федоту Орлову удача. Но „удачей“ обязан летчик своему высокому летному мастерству, своей беззаветной храбрости. На „Голубой двойке“ пилот совершил 144 вылета в тыл врага. Много раз он приводил ее на свой аэродром с десятками пробоин, с одним и даже двумя выведенными из строя моторами. Но никогда Орлов не возвращался с полпути, никогда он не возвращался с бомбами, не выполнив боевого задания.

— Когда болтает огромную машину, когда невозможно пробиться сквозь густые облака, когда обледеневают плоскости или впереди стена зенитного огня, образующая яркий фейерверк в ночи, — говорит Орлов, — я думаю о том, как поступил бы сейчас Гастелло. Гастелло преодолел бы эти трудности, прошел бы через все препятствия и выскочил на цель. Значит, и я должен поступить так. И так я поступаю. Силы, новые силы появляются в эти минуты и послушной в руках становится штурвал.

Капитан Орлов, как и капитан Гастелло, любит небо, воздух, полет. Орлов это ночной орел, крылатый мститель, гроза врагов. Его направляют в самые ответственные, в самые сложные полеты.

И молодые пилоты учатся теперь искусству

летать у Орлова так же, как Орлов учился у Гастелло.

... Генерал вызвал к себе на командный пункт экипаж Орлова. В землянке за длинным столом у карты стоял генерал. Он подозвал к себе пилота и указал на карте кружок, обведенный цветным карандашом.

— Знаете ли вы это место? — спросил он Орлова.

— Хорошо знаю, товарищ генерал, много раз уже туда летал, — ответил пилот.

— В этот раз, — продолжал генерал, — задание особо ответственное. Немцы, собрав здесь танки, готовятся контратаковать одну нашу часть. Если вы подожжете склады с горючим, тогда танки не смогут действовать и наша пехота пойдет в атаку. Ясно, товарищ Орлов? От вашего умения зависит успех важной операции. Надеюсь на вас.

Командир взглянул вначале за окно, где сыпал густой снег, затем посмотрел на своего штурмана и ответил: „Сделаем“.

Ночью экипаж был над целью. Маршрут, проложенный штурманом, был так строго соблюден Орловым, что точно в назначенное время, секунда в секунду, на немецкие склады с горючим полетели первые бомбы. К небу взмыли огни. Хотя огромное огневое зарево и освещало небо, Орлов решил сделать еще два захода на цель. Штурман сбросил остальные бомбы, вспыхнули новые очаги пожара, а са-

молет, которого немецкие прожектористы так и не сумели взять в лучи, скрылся.

На следующее утро Орлов снова был вызван к командиру. Генерал горячо благодарил летчика и сообщил ему, что наша пехотная часть, перейдя в атаку, захватила много танков, стоявших на станции без горючего.

Большая радость для пилота такая оценка. Большое счастье для летчика, когда он знает результаты своей работы. Дневной бомбардировщик или штурмовик, как правило, хорошо видит цель, а часто и результаты бомбежки. Ночью же летчик редко видит свою работу. Только зарево возникших пожаров указывает на то, что бомбы попали. Но в цель ли? У Орлова в личных записях есть несколько интересных справок или, как их называют в авиации, „подтверждения земли“. Однажды после двух налетов на деревню, где немцы создали важный опорный пункт, наши пехотинцы захватили в плен одного немецкого унтер-офицера. У этого фрица был найден дневник, в котором говорилось:

„... Четырехмоторный бомбардировщик русских сбросил серию бомб на деревню и попал в автомашину, груженую бензином. Загорелись близко расположенные дома. Мое убежище также охвачено пламенем... Я упал на пол. Русские перешли к последовательным атакам, так как имели прекрасную цель. Это невозможно было выдержать. Воспользовавшись

наступившей краткой паузой, я выбежал из деревни. Из распакованных ящиков с боеприпасами летели осколки. Все горело...“

Сквозь крошечную тьму, почти при полном отсутствии видимости, Орлов провел однажды свой самолет к городу Н. и сбросил бомбы точно туда, куда ему было указано. Как донесли потом наши партизаны: „В результате одной только бомбежки в эту ночь уничтожено 132 немецких офицера“.

На крыльях прославленной „Голубой двойки“ пришла слава и к капитану Орлову. Родина наградила его орденом Красного Знамени, удостоила звания Героя Советского Союза.

Мы присутствовали в Военном Совете Северо-Западного фронта, когда вручали Орлову наивысшую награду родины. Член Военного Совета крепко сжал в своих объятиях пилота, расцеловал его и спросил:

— Что вы хотите сказать, товарищ Орлов?

Пилот от волнения не мог проронить ни слова, а потом, собравшись с мыслями, сказал:

— Говорить не буду. Уж я лучше сделаю.

И когда после полета друзья говорят Орлову:

— Вы снова сегодня бомбили хорошо, товарищ капитан,—и Орлов неизменно отвечает:

— Это за хозяина машины, за Гастелло.

Майор З. Златопольский.

Наш земляк Г. Габайдулин Герой Советского Союза

Отважный минометчик Геннадий Габайдулин до войны работал мотористом на Горьковском автомобильном заводе. На завод он приехал в 1934 году из дер. Токаево, Комсомольского района, Чувашской АССР.

Огромные заводские корпуса, шумные цеха были сперва непривычны крестьянскому парню. Но они заинтересовали Геннадия Габайдулина. Постепенно он осваивает одну за другой две профессии — шофера и моториста.

В первые же дни отечественной войны Геннадий Габайдулин добровольно уходит в ряды Красной Армии. Его определяют в подразделение минометчиков. С любовью изучает он вверенное ему оружие. Первое боевое крещение молодой минометчик получил в районе Старой Руссы. Свыше 5 тысяч немецких солдат и офицеров уничтожила в первых боях часть, в которой служил Геннадий Габайдулин.

Зимой он был в рядах мужественных защитников Москвы. В этих боях их часть истребила около 6 тысяч немецко-фашистских оккупантов. Бывший моторист Геннадий Габайдулин прошел суровую школу войны. Он видел и пережил следы страшных пожаров, жертвы гитлеровских зверей. Он стал воином-мстителем. Ненависть к врагу сделала его мужественным и храбрым. В тяжелой обстановке боя

он не терялся, не отступал, а продолжал беспощадно громить врага.

В районе города Р. их подразделение попало в окружение. Но никто из советских воинов не дрогнул. С четырехдневным запасом продовольствия оно вело неравный бой с немцами в течение месяца. Минометчику Г. Габайдулину пришлось стать разведчиком. Ему было приказано пробраться в расположение противника и добыть сведения о нем. Это было в холодные февральские дни. Во главе 6 советских бойцов Г. Габайдулин отправился в разведку. В лесу они встретили четырех немцев. Расправившись с ними, наши разведчики пошли дальше. Немцы обнаружили отважных разведчиков и открыли по ним сильный огонь из минометов. Пришлось принять неравный бой. Героически дрались советские разведчики, но редели их ряды. Габайдулин остался один. Около 40 фашистов приближались к нему. Подпустив немцев на близкое расстояние, Габайдулин открыл из автомата прицельный огонь. Скошенные огнем, гитлеровцы падали. Из 40 немецких солдат осталось 4. Был ранен и Габайдулин. Кроме того, у него кончились патроны. Гитлеровцы были уже совсем близко. Отважный советский воин дополз до пулемета и открыл огонь по врагу. Немцы были уничтожены. Увлеченный боем, Геннадий Габайдулин не заметил, как сзади к нему подкрался немецкий офицер. Габайдулин оглянулся, и в

двух шагах от себя увидел офицера с поднятым пистолетом.

— Рус, сдавайся! — выронил он. Отважный советский воин опередил фашиста и пристрелил его. Последние силы покидали раненого Габайдулина. Он упал. Вскоре к тому месту, где горсточка героев вела неравный бой с врагом, пришли наши бойцы. Они подобрали Г. Габайдулина.

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство нашему земляку Геннадию Габайдулину присвоено звание Героя Советского Союза.

К новым боям и победам

Письмо Габайдулина к трудящимся Чувашии

„На поле боя я вышел победителем в неравной схватке. Истекая кровью, я не струсил, не испугался врагов, кричавших:

— Рус, сдавайся!

„Нет, русский не сдается, нет, татары не сдаются“, — мелькнуло в моем сознании, и я один в ожесточенном бою уничтожил взвод немцев.

В настоящее время я нахожусь в части, работаю над повышением своих военных знаний.

На советской земле я познал счастье свободного труда, стал квалифицированным рабочим и зажил счастливой жизнью. Неужели я

могу пасть на колени перед немецкими извергами? Никогда!

Так думают и так действуют сыны всех народов нашей необъятной родины.

Наступление Красной Армии продолжается, оно будет нарастать. Мы бьем немцев на фронте сокрушительными ударами, а в тылу—самоотверженным трудом. Все отдадим для полного освобождения советской земли от немецко-фашистских захватчиков!

Под знаменем Ленина, под руководством родного Сталина—вперед к новым боям, к новым победам!

Герой Советского Союза
ГЕННАДИЙ ГАБАЙДУЛИН.

Борис Васильев

Борис Михайлович Васильев славится на фронтах отечественной войны, как смелый, отважный и мужественный летчик-истребитель. Он много работает по воспитанию и совершенствованию боевой выучки личного состава эскадрильи.

Эскадрилья имеет 375 боевых вылетов на штурмовые действия по аэродромам и наземным частям противника. Личным примером тов. Васильев не раз увлекал своих товарищей на

героические подвиги в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

8 сентября 1941 года тов. Васильев повел звено самолетов к району переправы через Днепр. Прямыми попаданиями бомб он взорвал крупный бензосклад противника, уничтожил 13 стационарных бензобаков с горючим. Вспыхнул огромный пожар, зарево которого было видно на расстоянии 50 километров. Во время налета зенитная артиллерия врага изрешетила самолет, однако летчика спасло высокое мастерство, он сумел привести машину на свой аэродром.

Через пять дней тов. Васильев повторил налет и разрушил вражескую переправу.

14 сентября он бомбил вражеский аэродром у станции. Семь самолетов фашистов были уничтожены. Два стервятника пытались помешать боевой операции. Сталинский сокол бесстрашно пошел на них в атаку. Не приняв боя фашистские пираты попрятались в облака.

В другой раз машина Васильева была сильно обстреляна врагом с земли. Снаряд попал в бензобак. Но летчик не растерялся. Он совершил искусную посадку на своей территории.

Борис Михайлович Васильев происходит из Советского района Чувашской республики. За время войны он истребил большое количество живой силы и техники врага.

За мужество и героизм, проявленные в

борьбе с гитлеровцами, правительство присвоило ему звание Героя Советского Союза.

Интендант 2 ранга
ГОНЧАРОВ.

Боевой летчик Никита Зарубин

Немецкая пехота накапливалась для атаки. К передовым позициям скрытно подтягивалась артиллерия, подвозились боеприпасы. В эти минуты над вражескими позициями стремительно появились советские самолеты.

Фашистские истребители, патрулирующие в воздухе, вступили в бой с краснозвездными „ястребками“. Пока советские истребители выполняли свое боевое задание, бомбардировщики успели совершить несколько заходов на цель. Последовало несколько взрывов, в воздух взлетели вражеские укрепления, пехота, готовившаяся к атаке, была частью рассеяна или уничтожена. Атака вражеской пехоты на этом участке фронта была сорвана. Над полем боя было сбито несколько немецких самолетов. Воздушный бой закончился полной победой советских истребителей, которых возглавлял старший лейтенант Никита Димитриевич Зарубин.

Истребитель Зарубин—опытный летчик. Еще в суровую зиму 1939—40 г. г. во время боев с

белофиннами Н. Зарубин в сильные морозы совершал боевые полеты для удара по аэродромам и укреплениям противника. За боевые заслуги он был награжден орденом Красного Знамени.

Отечественная война с фашистской Германией застала Н. Зарубина в Ленинграде. Когда враг находился недалеко от города Ленина и его авиация предпринимала отчаянные усилия, чтобы прорваться к Ленинграду, машина Никиты Дмитриевича Зарубина смело устремлялась на врага. Боевой летчик Н. Зарубин провел десятки воздушных боев на подступах к любимому городу, совершил много вылетов и штурмовок по боевым порядкам врага, уничтожил не один десяток вражеских солдат и много техники.

Славные подвиги боевого летчика снова были отмечены правительственной наградой. Старший лейтенант Н. Зарубин был награжден орденом Ленина.

Перед своими боевыми товарищами, принимая высшую награду, он дал слово еще ожесточеннее бить ненавистного врага. И об этом обязательстве он всегда помнит, поднимая в воздух свой послушный истребитель с родного аэродрома.

Старший лейтенант Никита Дмитриевич Зарубин происходит из деревни Чубаево, Урмарского района.

Прославленный штурман

Саша Ефимов с детства отличался пытливым умом, ненасытной жадой знания. В Маринско-Посадском техникуме землеустройства, в пехотном училище, на курсах танкистов—езде он показывал замечательные успехи. Но ничто его не занимало так, как заветная мечта—стать летчиком. И когда начался массовый набор в летные школы, молодой лейтенант-танкист записывается первым.

Днем и ночью он изучает летное и штурманское дело, материальную часть, вооружение.

Так Ефимов становится штурманом.

С первых дней отечественной войны он вместе со своими боевыми друзьями громит живую силу и технику врага, разрушая его коммуникации и тылы, мстя за слезы и кровь советских людей.

Однажды экипаж получил задание—разбомбить железнодорожный узел. Серая пелена снегопада плотно окутывала землю. На бреющем полете самолет уверенно пробивается к цели. Сразу же за линией фронта встретили колонну фашистской кавалерии. Штурман Ефимов сбросил несколько бомб, воздушный стрелок через всю колонну провел огневую линию пулеметных очередей. Трусами гитлеровцев и лошадей покрылась дорога. Экипаж полетел дальше и отлично выполнил задание.

В другой раз пришел приказ—разрубить пути, задержать отступающих немцев. Вылетели ночью. В районе цели на одном из разъездов обнаружили эшелон противника. Летчик немного повернул машину. Теперь уже ни фашистская зенитка, ни крупнокалиберный пулемет, бьющие по самолету, не могли заставить его уклониться в сторону. Советский бомбардировщик шел по боевому курсу. Ефимов, склонившись над прицелом, ожидал, а стрелок открыл огонь по вагонам. Еще несколько секунд и бомбы устремились вниз.

— Прямые попадания в эшелон и четыре взрыва на полотне дороги,—доложил стрелок командиру экипажа и снова припал к пулемету.

...Противник, стремясь приостановить наступление наших войск, стягивал в район жесточких боев свежие резервы. Разведка доложила о скоплении вражеских войск в районе Н. Звено самолетов, куда входил и экипаж Ефимова, получило приказ—рассеять и уничтожить скопление вражеских войск. Летели на высоте 2000 метров. Прошло несколько минут и внизу появилась цель. Она приближалась с каждой секундой. С воздушных кораблей сыпется град пуль и бомб. Цель поражена. Видны взрывы и пожары.

Фашисты, опомнившись, открыли ураганный огонь. Но это не устрасило сталинских соколов. В ответ на это они делают ряд новых

заходов, поражая немцев огнем своих пушек и пулеметов, сбрасывая бомбы. В результате этой операции было уничтожено до 2-х батальонов пехоты противника, штаб одной крупной немецкой части, до 20 танков, до 40 автомашин.

Это лишь несколько эпизодов. А сколько раз экипаж Ефимова появлялся в расположении врага и метко сбрасывал бомбы! Сколько раз он отражал бешеные атаки фашистских пиратов, в схватках с которыми его стрелок—радист старшина Денисов сбил трех „Мессершмиттов—109“.

Экипаж приобрел богатый боевой опыт. С различных высот в хорошую и плохую погоду бомбили они врага, а результаты всегда были одинаковы—отличные.

Родина высоко оценила боевую работу сталинских соколов. Командиру экипажа капитану Кувшинову недавно присвоено звание Героя Советского Союза. Стрелок—радист старшина Денисов получил два ордена Союза ССР. А наш земляк, штурман корабля, Ефимов Александр Ефимович Указами Президиума Верховного Совета СССР за отличное выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками награжден двумя орденами боевого Красного Знамени.

— Наш боевой экипаж сделал немало по уничтожению немецких захватчиков. Но надо сделать еще больше, нужно уничтожить всех оккупантов, пробравшихся на нашу землю. К

этому обязывает нас высокая награда, к этому зовет нас Родина—мать,—говорит отважный сын чувашского народа старший лейтенант Ефимов.

Яльчикские колхозники по праву гордятся своим знатным земляком, штурманом бомбардировочной авиации старшим лейтенантом Ефимовым. Честь и хвала бесстрашному сталинскому соколу!

И. ВАСИЛЬЕВ.

3 5 5

На рассвете под разрывами вражеских мин и снарядов, он ушел за передний край нашей обороны. Миновав последние кусты, он прополз по снегу и скрылся за ранее приготовленные ячейки.

Отсюда хорошо видны немецкие траншеи, сходящиеся под тупым углом на кустистом бугорке. Некоторые ветки искусственные. Немецкий снайпер, беспокоивший наших бойцов, мог быть только там, на стыке двух траншей.

Проходит час и больше. Над стыком траншей появился легкий голубой дымок. Немец курит. Высунулся край каски. Гукнул выстрел. Немец вздрогнул и упал на траншею.

Стоит только посмотреть на сержанта Давыдова, когда он возвращается с удачной

охоты! Смуглое, заветренное лицо его улыбается, карие глаза искрятся, от всей его невысокой худощавой фигуры веет дыханием боя. На шлеме воинственно торчат еловые ветки, как у индейца со страниц романов Майн-Рида.

Самое трудное в искусстве снайпера это осторожность и выдержка в сочетании с боевым порывом, который длится час, неделю, месяц, все время пребывания на фронте. Какая нужна колоссальная сила ненависти к врагу, чтобы уничтожать его так спокойно и точно, как это делает Давыдов, человек по своему характеру смирный! Где источники постоянства этой силы, действующей, как самый точный математический закон? Каждый по-своему через весь опыт своей жизни приходит к ним.

У Родиона Никоновича тоже своя, ни на чью не похожая жизнь. Он прошел через горькие годы сиротства. С берегов Волги судьба забросила его на Дальний Восток, где он работал и бетонщиком, и кондитером, и лесосплавщиком. Он всегда был честен и добросовестен. Всюду за свою работу он получал благодарности. Ездовым в гаубичной артиллерии отслужил он свой срок в Красной Армии, вернулся хорошо грамотным, развитым комсомольцем. В Уссурийской тайге, в леспромхозе, он нашел свое заветное счастье: женился на русоволосой девушке с серыми глазами. Счастье любви, отцовство, честный труд, товарищи, охота в тайге...

Но вот легла зловещая, черная тень на его жизнь и на жизнь родины: в страну ворвался немецкий зверь. И боль от утраты счастья превратилась в неугасимую ненависть к врагу.

Сержант Давыдов, призванный из запаса, сеет эту ненависть всюду, где может. Он на смерть бьет немцев не только своей винтовкой, но и винтовками своих учеников. Он воспитал сверхметких снайперов—Цыкина, Джапарова и многих других. Ученики его сами уже имеют своих учеников. Ненависть Давыдова с каждым днем становится все более многорукой и многоглазой.

Давыдов—строгий учитель. Главное, чему он учит, это абсолютной скрытности. Самый верный выстрел тот, который сделан из хорошо укрытой засады. Пуля застаёт свою жертву врасплох, она разит ее в самое уязвимое место. Такая пуля подавляет врага своей неожиданностью, и враг в глубине своей обороны начинает ползть на четвереньках.

Снайпер должен быть невидимкой, он должен быть безмерно терпелив. Первого своего ученика, красноармейца Иванова, Давыдов никак не мог обучить этой азбуке снайперского дела. Иванов хорошо стрелял, был человеком замечательной храбрости. Но вот однажды, когда он полз по нашему минному полю к своей ячейке, его заметили немцы. Семь солдат бросились к нему наперерез. Они хотели захватить его живым. Иванов подпустил их

близко к себе, уложил всех наповал гранатами, а сам вернулся невредимым. Но Давыдов не мог простить неосторожности, горячности в снайперском деле.

— Иванов может быть замечательным бойцом-разведчиком, чем угодно,—сказал он,—но не снайпером. Он не хочет быть осторожным...

О своих учениках Родион Николаевич говорит очень охотно. Он отлично помнит достоинства и недостатки каждого из них.

— Дали мне из вновь прибывших комсомольцев Новикова,—рассказывает Давыдов про своего лучшего ученика.—Отвел я его в глубину обороны, пострелял он в мишень. Вижу: бьет здорово. Повел его в засаду. Идем. Смотрю: Новикова трясет, а делает все точно, как я говорю. Трясет—это ничего: по первому разу, когда подходишь к вражеской обороне, всех трясет; меня тоже лихорадило. Вот и фрицы. Залегли мы против глубокой немецкой траншеи. Они к ручью спускались. Проходит время. Новиков говорит: „Курить хочется“. „Ничего не поделаешь—говорю,—самому хочется“. Убил я у ручья двоих. Вижу, Новиков с непривычки затомился, говорит мне: „На сегодня хватит“. Ходил я с ним десять дней. Хороший снайпер, осторожность понимает.

Сидевший тут же, у блиндажа, Новиков слышал весь этот рассказ Давыдова. Но видно

было, что слушал он в-пол-уха, как о чем-то давно прошедшем. На счету у Маркела Новикова уже было 178 истребленных солдат и офицеров.

* * *

Когда эти строки уже были написаны, из части, где служит Родион Давыдов, пришло письмо. Командир подразделения сообщал, что ему пришлось провести несколько напряженных боев: немцы пытались улучшить свои позиции, но были жестоко биты. В этих боях снова отличился Родион Давыдов: подползая к немцам на 70 и 100 метров, он бил их в упор.

Его рукой управляла в эти дни ненависть, сухая и острая ненависть мстителя: совсем недавно немцы убили его любимого ученика Маркела Новикова. В тот же день Новикова хоронили. Его учитель, мрачный и осунувшийся от горя, принес на могилу восемь пустых гильз. „Это вместо венка,—“—сказал он.— „Сегодня убил восьмерых, завтра еще добавлю“.

... Сейчас на счету у Давыдова 355 убитых фашистов.

П. РУСИН.

Северо-Западный фронт. (Спецкор. „Комс. Правды“)

Я истребил 355 немцев

Письмо снайпера-орденоносца Родиона Никоновича
Давыдова трудящимся Чувашии

Дорогие мои земляки!

Это письмо я пишу вам в перерыве между боями. Дорогие мои земляки, передаю вам снайперский сердечный привет с фронта отечественной войны.

Я—сын чувашского народа, и горжусь этим. Сердцем и мыслями своими я с вами в эти дни. Вместе с русскими, украинцами, белорусами, казахами и представителями других братских народов, с оружием в руках мы отстаиваем честь и независимость нашей любимой родины, защищаем великие Октябрьские завоевания.

Родина и партия дали нам в руки винтовку, дали нам приказ бить подлого фашистского зверя. И мы бьем его, где только он подвернется, бьем его и в траншеях и в блиндажах, бьем днем и ночью, без передышки.

Я неплохо овладел винтовкой. 22 мая 1942 года я стал снайпером. С этого дня до 3 ноября я лично истребил 355 немцев. В последних боях, когда враг сделал попытку наступать, я убил 105 гитлеровцев. Чем больше я убиваю немцев, тем легче у меня на сердце. Правительство наградило меня орденом Ленина и медалью „За отвагу“.

Вот так воюем, дорогие земляки! Здесь, на передовой линии я встречал моих братьев—чувашей. Они хорошо воюют, умело дерутся с заклятым врагом, высоко держат честь родного чувашского народа. Из газет я знаю—вы много работаете для фронта. Посылая вам за тысячи километров свой пламенный привет, я призываю вас давать фронту еще больше вооружения, теплых вещей, сельскохозяйственных продуктов, махорки и всего, чем богата наша Чувашия. Изучайте военное дело. Пусть каждый чуваш будет готов встать в боевые ряды родной нашей Красной Армии.

Когда я заканчиваю это письмо, немецкая артиллерия снова начала обстрел наших позиций. Сейчас рассвет. Начинается пятисотый день великой отечественной войны советского народа против немецких оккупантов. Сегодня я снова убью нескольких немцев, я буду их убивать завтра, послезавтра, буду убивать каждый день, до тех пор, пока глаза мои видят, пока руки держат винтовку.

Поздравляю горячо и сердечно вас, дорогие земляки, от всего сердца желаю вам успехов. Больше помогайте фронту, а мы, сыны чувашского народа, не посраим в боях за родину гордое имя чуваша.

Пишите по адресу: 1425 полевая почта, часть 622.
Старший сержант Родион Давыдов.

Ноябрь, 1942 г.

Снайпер-командир

День выпуска подошел незаметно. Утром снайперы-командиры выстроились на учебном поле. Сидящий майор, сегодня — торжественный и волнующийся не меньше, чем выпускники, командовал:

— Первая шестерка... шагом... марш!

Приземистый, но ладно-скроенный, младший лейтенант Никита Васильев, приподняв „снайперку“, зашагал с товарищами к рубежу.

В трехстах метрах смутно виднелись движущиеся мишени. Три патрона... А тут, как назло — ветер, поземка.

Видимо, чувствуя смущение выпускников, командир сказал:

— Кто хорошо стреляет, тот в любых условиях выполнит задачу.

...Никита Васильев прильнул к прицелу... Поправка на ветер... Выстрел!.. Другой... Третий...

— Встать!

Выпускники — у мишеней. Но — что это? У троих помрачнели лица: «мимо...» Васильев спокоен: „Вот кто хорошо стреляет, — сказал майор.“ Мишень младшего лейтенанта поражена по всем правилам искусства.

Потом выпускник стрелял с сосны, бил по „смотровым щелям танка“ из разных положений. Число отличных оценок росло.

— Так бейте фашистов! — сказал начальник,

прикрепляя к гимнастерке Васильева значек снайпера.

— Не промахнусь!

Никита Васильев знал, что защищая Ленинград, он защищает родные Чебоксары, своей грудью, своей пулей заслоняет жену, детей.

Когда он пришел в действующую часть, он сразу направился в полевой караул.

Знакомясь с местностью, Васильев увидел лахтаря. Тот высовывался по пояс из траншеи, стрелял и прятался вновь.

— Вот я тебе, бандит, постреляю!—сказал Васильев.

Он засек место, где появлялся враг и, как только тот высунулся—грянул выстрел. Мертвый маннергеймовец медленно сполз в траншею, винтовка его осталась лежать на снегу.

Часа через два к первому лахтарю присоединился еще и белофинский наблюдатель.

— Вдвоем им лежать веселее будет...

Весенние воды размыли рубеж. В траншее— полно воды. Ячейки сползли, и было на весь взвод две бойницы...

Враг обнаглел и привык ходить безнаказанно.

— Ходят как дома,—говорил боец Ивлев.— Бить их надо.

— И будем,—ответил Васильев.

Командир собрал бойцов, объяснил им задачу. Закипела работа.

Через четыре дня траншею было не узнать. Вода спущена в реку, ячейки восстановлены.

Противник вскоре это почувствовал.

Как-то красноармеец Бородин заметил: под сосной сидит белофинн и чистит винтовку. Рядом уселись еще двое.

— Бей, Бородин!—приказал командир.

Бородин выстрелил.

Белофинн помахал рукой в стороны. Это обозначало: „куда тебе! мимо!...“

Тогда Васильев приложился и дал очередь из „дегтяревца.“ Солдат упал, другие сбежали.

С этого дня непрерывно рос счет Васильева: десять... пятнадцать... двадцать... двадцать три. Васильев не только сам разил врагов. Он учил этому искусству своих бойцов. Первым был Александров.

— Пойдем постреляем,—предложил Васильев бойцу.

Вышли в ячейку. На опушке показался белофинн.

— Учись бить бандитов;—сказал Васильев. Раздался выстрел, но лахтарь убежал.

— Что же это, товарищ командир?—удивился боец.

Удивился и сам снайпер.

На следующий день пошел с бойцом к оружейному мастеру, поправил мушку, прицел, пристрелял винтовку.

Больше промахов не было!

Скоро его взвод стал истребительным. На счету Васильева 25 шюцкоровцев, на счету его учеников— 46.

— Знают у тебя на родине о твоих успехах?—спросили как-то у Васильева.

— Нет... не писал... — ответил скромный воин.

Он не любит говорить о себе, но наш народ узнает, обязательно узнает о больших боевых успехах своего сына!

И. НИКОЛАЕВ.

Подвиг чуваша Бамбурина

Н-ская часть отбивала вражескую контратаку. В одном месте батальону фашистов из дивизии СС „Великая Германия“ при поддержке танков удалось прорваться в расположение наших подразделений. Завязалась ожесточенная схватка. Чуваш—связист ефрейтор Иван Бамбурин лежал в хорошо замаскированном окопчике и по телефону поддерживал связь. Немцы подошли совсем близко, и связист открыл по ним огонь. Видимо, решив взять его живым, немцы стали обходить окопчик. У Бамбурина вышли все патроны, тогда немецкий обер-лейтенант, видя, что советский боец перестал стрелять, в полный рост пошел на окопчик. Бамбурин, бросившись на офицера, заколол его штыком. В это время на помощь Бамбурину подоспела группа красноармейцев, противник побежал. Овладев брошенным нем-

цами ручным пулеметом, отважный связист стал бить из него по убежавшим немцам.

В этом бою Бамбурин истребил 20 немецких солдат и одного офицера. Когда контратака была отбита, он под сильным огнем противника проверил линию и за 20 минут в семи местах ликвидировал обрывы телефонного кабеля.

Старший политрук М. ЯРОВОЙ.

Сыны чувашского народа

От берегов Волги и Суры они пришли сюда, на донские просторы. Вместе с русскими, казахами, украинцами и бойцами других национальностей сыны чувашского народа идут в бой. Защищая вольную русскую реку Дон, они защищают и честь седых волн Волги, и просторы чувашской земли.

1. „Красные воины в плен не сдаются“

Старший сержант Павел Ильиных родился в городе Канаше. При выполнении боевого задания командования он попал в окружение гитлеровцев. Имея при себе автомат и пару гранат, он вступил в единоборство с немецкими разбойниками.

Гитлеровцы сплошной стеной шли на совет-

ского воина. Ильиных разил фашистов из автомата, а, улучив удобный момент, бросил одну из гранат и уничтожил несколько фрицев. Ранен был и сам Ильиных, но он продолжал отчаянную борьбу.

Фашистские банды хотели взять живым страстного патриота родины.

— Рус, сдавайся!—кричали они.

— Красные воины в плен не сдаются!—гордо и громко ответил Ильиных.

К этому времени вышли патроны. Осталась последняя граната. И Павел Ильиных, встав во весь рост, чтобы погибнуть от осколков собственной гранаты, бросил ее в гущу гитлеровцев.

Когда рассеялся синеватый дым взрыва, кругом валялись убитые и раненые гитлеровцы, а недалеко от них, вытянув руки вперед, на запад, лежал Павел Ильиных, словно готовясь вскочить на ноги и идти снова в жестокий бой за родину.

Военный Совет от имени Президиума Верховного Совета СССР посмертно наградил отважного сына чувашского народа орденом Красного Знамени.

2. Рота „победителей смерти“

Командиром с железной волей и стойкостью показал себя политрук Андрей Гаврилов, бывший работник Чкаловского райкома ВКП(б).

В смертельно опасные дни, когда немецко-фашистские полчища двигались на Воронеж, на одном из участков отчаянно сражалась рота советских воинов. За свои боевые дела, за свое высокое умение биться с врагом эта рота получила название „победителей смерти“.

Когда в первые часы боя командир роты вышел из строя, политрук Андрей Гаврилов взял на себя руководство боем. Рота в течение дня отбила четыре атаки гитлеровцев и сама, смело выдвинувшись вперед, пошла в наступление.

От авиабомб, снарядов и мин стонала земля, поднимались черные столбы огня и дыма. В яркий июльский день нельзя было даже на близком расстоянии разглядеть лицо человека. Рота вышла из этого кромешного ада огня, но, попав под сплошной огонь станковых пулеметов, залегла.

Политрук Андрей Гаврилов личным примером и живым словом вдохновлял бойцов:

— Позади родная цветущая земля, впереди родная земля, растоптанная немецким сапогом. Только вперед!

Восемнадцатилетний москвич Геннадий Вавилов подполз к политруку.

— Я боюсь шальной пули и дурацких осколков,—говорил он.—И не то, что боюсь, а просто жалко без подвига умирать...

И, как бы выйдя из забытья, спросил:

3. Сыны чуваш. народа.

— Товарищ политрук, кажется, мы ничего воюем?

— Хорошо!—ответил Гаврилов.

Но пулеметы врага строчили и строчили. Гитлеровцы, держа передних советских воинов под сплошным огнем, готовились со всей силой обрушиться на подразделение и выбить его с занимаемой позиции.

Геннадий Вавилов, отвечая на призыв своего любимого политрука, быстро и ловко продвинулся вперед, подполз к фашистскому блиндажу, встал во весь рост и гранатами уничтожил станковый пулемет со всей прислугой. Он упал и сам, сраженный немецкой пулей. Младший лейтенант украинец Михаил Бовкун вскочил тогда во вражеский блиндаж и гранатами взорвал его гарнизон.

Пулеметы врага замолчали. Рота, ведомая раненым политруком Андреем Гавриловым, стремительно бросилась вперед.

Смерть и на этот раз была побеждена.

3. Учитель из Чувашии

Иван Николаев, в прошлом учитель из Аликовского района, широко известен нашим бойцам и командирам. Это он за время войны прошел славный путь от рядового бойца до среднего командира, это его ставят в пример говоря о стойкости и храбрости.

Лейтенант Николаев своим личным примером воодушевляет бойцов на смелые боевые,

дела. Он сам ходит в снайперскую засаду и уничтожил 7 гитлеровцев, он водит бойцов в разведку. Жажда яростного истребления гитлеровцев бросает его в самые опасные схватки с врагом.

Раз темной ночью лейтенант с небольшой группой бойцов отправился на поимку „языка“. Сам он, увлеченный „охотой“, выдвинулся вперед, к передовому краю обороны противника. Увидев в ходе сообщения двух фрицев, Николаев бесстрашно набросился на них и подмял их под себя.

Ошеломленные таким налетом, фашистские мерзавцы подняли вой и старались вырваться. Один из них начал кусаться, лейтенант его дубасил ракетницей. Но ракетница поломалась, и фрицу удалось спастись. Ударяя изо всех сил, он плакал и рыдал. Видно, крепко обработала фрицеву голову тяжелая рука лейтенанта.

Другого фрица Николаев вытащил из хода сообщения и привел в штаб нашей части.

Лейтенант Я. Ухсай.
Красноармеец И. Антонов.

Священное знамя

Это было в те суровые дни, когда немецко-фашистские банды рвались к Сталинграду.

Андрея Чиберова привезли летчики на „Дугласе“. Осколок черного металла впился ему в грудь. Две пули из фашистского автомата пронизали легкие. Разрывная пуля раздробила левую руку у локтя. И он умирал, товарищ Чиберов. И когда затуманились его чистые, как голубое небо, глаза, он тихо сказал:

— Прошу сообщить в родную Чувашию, в мой колхоз, что я честно защищал Волгу...

На следующее утро в госпиталь доставили нового раненого. Я не слышал, как привезли его, как перекладывали с парусиновых носилок на освободившуюся кровать. Меня разбудил его стон, короткий, подавленный. Очевидно, раненый хотел пересилить боль.

Я повернулся и увидел его голову, забинтованную сплошь до подбородка, да сестру, считавшую удары его пульса.

Лучи яркого солнца заглянули в этот момент в нашу палату, и невольно у меня вырвались слова:

— Люблю солнце! Какое оно хорошее, наше солнышко!

— А я-то вот не вижу,—сказал вдруг коротко и глухо наш сосед.

Мы познакомились. Звали его Николаем Арлановым:

— Вы пехотинец?—спросил он.

— Нет. Кавалерист. Крючковцы, слышали?

— Я тоже кавалерист,—улыбнулся он.—И гвардеец... Лихо дерутся конники-гвардейцы.

В нашем эскадроне двое из Чувашии было: я да Андрей Чиберов. От казаков не отставали, соревновались... Андрея поранило. Жалко. Геройский парень был, знаменосец. Гвардейское знамя носил.

Помолчав, Арланов продолжал:

— Любил он Волгу. Родился и вырос на ней. Говорил он мне, что родители его, новорожденного, первым делом в Волге искупали, а потом в избу внесли: „Расти, мол, сынок, большой, как Волга!“

И Николай рассказал нам об Андрее Чиберове, одном из героев Сталинграда.

Боевое крещение Чиберов получил на развороченной бомбами волжской набережной, в разрушенном немцами, но величественном Сталинграде. Здесь он защищал нашу землю, свою родную Чувашскую республику.

Пять дней и четыре ночи удерживало подразделение населенный пункт, будучи отрезанным от своих главных сил. Наконец, немцы бросили в атаку большую группу автоматчиков. Пьяная фашистская ватага пошла во весь рост, с криками: „Рус, сдавайся!“. В ответ на фашистов обрушился шквал огня. Оставшиеся в живых немцы бежали. Но атаки следовали одна за другой. Гитлеровцы лезли, не считаясь ни с какими потерями, и успели ворваться в глубину нашей обороны. Завязалась беспощадная рукопашная схватка. Командир

взвода лейтенант Хомичев упал сраженный пулей. Но успел крикнуть.

— Чиберов, держись!

И Чиберов держался. Он крепко сжимал в своих руках пурпуровое с золотом гвардейское знамя.

— Бей гадов! — крикнул он. — Да здравствует Волга!

Атака автоматчиков была отражена дружными усилиями советских бойцов. Но в это время с противоположной стороны показались три немецких танка. Они шли прямо на домик с палисадником, в котором находился знаменосец Чиберов.

— Ну, ребята, держись! грозно сказал Чиберов, снял каску и поцеловал угол знамени.

— Врагу знамя не отдадим, — сурово ответили бойцы, целуя по очереди багровое полотнище.

Одиннадцать бойцов — небольшой гарнизон. Но с ними знамя части. Значит, одиннадцать, должны сражаться за целую часть!

— По танкам, приготовиться! — приказал Андрей.

Боец, лежавший у противотанкового ружья, хладнокровно ответил:

— Есть приготовиться по танкам.

Лязг гусениц был слышен совершенно отчетливо. Передний танк, немного убавив скорость, открыл оружейный огонь. Затаив дыхание, ждали бойцы выстрела противотанкового

ружья. И вот оно загремело. Фашистский танк, сделав круг на месте, запылал, как факел. Остановился, подбитый, и второй танк. Но третий вел за собой автоматчиков. Вот совсем близко он. Вот уже видна паучья свастика и черный крест. Раздался взрыв снаряда, и противотанковое ружье вышло из строя.

В этот момент и раздался решительный голос Чиберова:

— А ну, теперь мой черед!

Торопливо, привязав за плечи клеенчатый чехол со знаменем, схватив противотанковые гранаты, поднялся Андрей Чиберов на поединок с черной вражьей машиной.

Широко размахнувшись, метнул он гранату. Взрыв. Но танк продолжает идти. Тогда Чиберов выскакивает из окопа, и как грозный мститель, вырастает перед бронированным чудовищем.

Вспомнив, что у Чиберова знамя, бойцы кидаются к нему на выручку, но уже поздно. Страшный взрыв потряс танк. Черная машина перекосилась и тяжело осела.

А совсем рядом сидел на корточках Андрей, зажимая белым платочком свою рану.

— Ничего, Николай, — шептал он склонившемуся над ним Арланову, волжской водой умоемся, все заживет.

И здесь их окружили немецкие автоматчики. Превозмогая боль, выхватил Чиберов шашку и ринулся в рукопашную схватку. Семь

гитлеровских мародеров упали разрубленные острым клинком Чиберова. Несколько фашистов пронзил штыком Арланов. Но пуля обессилила Чиберова, и он упал, широко раскинув руки.

— Арланов.. держись... знамя береги, — прошептал он.

Клеенчатый чехол со знаменем, обогранный кровью героя, схватил Арланов. Горстка бойцов держалась, пока не подоспело подкрепление.

... Арланов вздохнул и сказал:

— Жив он. Удивительно даже, но жив. Его отправили на самолёте. Мне хочется, чтобы он не умирал.

— Он не умрет! — ответили мы. — Такие бессмертны.

Гвардии старший лейтенант С ПРОКОПЬЕВ.

Лесной бой

Дремучие, нехоженые леса с вековыми дубами и липами, пружинящая под ногами почва, живописные озера с громадами отраженных облаков—такова брянская сторона. Глядишь на буйное цветение серебристых ландышей, на розовые кусты шиповника, слушаешь обыкновенную кукушку, и кажется,—нет более мир-

ного пейзажа. И деревни здесь носят чудесные названия, в которых отражена природа брянских лесов.

Тишина. Но какая это обманчивая тишина!

Красноармеец в стальной каске и маскировочном халате стоит в зелени орешника с автоматом в руках. Какие-нибудь 90 метров лесного завала отделяют его от немцев. Здесь — передовая линия. Если повнимательнее присмотреться к тем вон березкам, можно угадать очертания немецких блиндажей, а там, где шевелятся кусты, — прячется вражеское боевое охранение. На сотни километров тянутся завалы в брянских лесах, отделяя наши позиции от немецких. Блиндаж против блиндажа, секрет против секрета, минные поля против минных полей, — позиционная война!

— Это один из наших героев, — говорит комиссар Тихон Григорьевич Попов, указывая на автоматчика. — Подойдем к нему.

Автоматчик Гаврил Анисимов, не отрывая глаз от наблюдаемого участка охотно рассказывает о себе. По национальности он — чуваш, рядовой колхозник из артели „Сталь“, 1905 года рождения, беспартийный. Добровольно ушел на фронт бить немецких захватчиков. В этих лесах уже обжился и в самую темную ночь разыщет любую тропу. Когда же речь заходит о собственных его, Анисимова, героических делах, он неожиданно теряет дар слова.

— Ничего особенного не сделал, просто

сильно дрался. Вы о ребятах наших черкните...

Заря только-что заиграла на вершушках корабельных сосен, и серая пелена тумана еще скрадывала очертания завалов, как в лес ворвался огненный ураган. Взметнулись вырванные с корнем деревья, массы горячей земли, задымился валежник. Немцы готовились к штурму той самой высоты, которую только вчера смелым броском заняло подразделение во главе с лейтенантом Леговым.

С первых же выстрелов немецких тяжелых батарей Легов принял решение:

— Всем выдвинуться к самому завалу!—приказал он.

Подразделение быстро выполнило маневр и почти без потерь вышло из зоны губительного огня. Немцы же не могли бить по завалу: в 90 метрах лежала готовя к броску немецкая пехота.

Но вот окончилась 40-минутная утюжка позиции. Немцы настолько были уверены в силе своего огня и гибели наших бойцов за завалами, что решили триумфальным маршем пройти по лесам. Подстегивая себя истошными криками, фашисты пересекли „ничейное“ пространство и ринулись к ближайшим кустам. Наши бойцы не стреляли, ожидая условного сигнала лейтенанта. И вот Легов поднялся и резко взмахнул рукой. Автоматы и пулеметы начали косить немцев, как траву. 100 гитлеровцев навеки остались в лесном завале. Но

Владимир Легов знал, что немцы не примирятся с провалом первой атаки и, несмотря на тяжелые потери, снова ползут через завал. Он подозвал бойца тов. Усачева, завоевавшего славу смелого, инициативного разведчика, и спросил его:

— Видите овраг, заросший лесом? Так вот, берите девять бойцов и устраивайте там засаду. Сдается мне, именно там пойдут немцы.

— Есть, товарищ лейтенант,—ответил Усачев.—Немцы там не пройдут.

Девять автоматчиков прочно „оседлали“ овраг. Двое залезли на верхушки деревьев и невидимые для врага, отлично наблюдали окружающий лес. Семь человек спрятались в валежнике, в корневищах поваленных елей. Едва они успели замаскироваться, как около сотни немцев проникли в овраг. Когда рыжеусый детина с нашивками обер-лейтенанта был на расстоянии одного прыжка от Усачева, тот молодым звонким голосом крикнул: „Рота за мной!“.

Одновременно со всех сторон ударили 9 автоматов. Лес наполнился шумом боя, взрывами гранат, стонами раненых. Немцы метались по оврагу в поисках спасительного выхода, но всюду свинцовый ливень преграждал им дорогу. Тогда они, очертя голову, бросились назад и попали под фланкирующий огонь автоматчиков, засевших на деревьях. Только половина гит-

леровцев унесла ноги от группы отважного Усачева.

Лесное сражение уже гремело по всей округе. Подтянув резервы, немцы в третий раз попытались штурмом взять наши позиции. Это была самая сильная волна атаки. Немцы двигались плотной стеной, во весь рост, прочесывая лес всеми доступными огневыми средствами. Но враг не учел одного — смелости, стойкости, исключительной маневренности наших автоматчиков. В своеобразной и сложной обстановке лесного боя эти характерные черты советских воинов приобрели решающее значение. Как только немцы вступили в глубь нашей обороны, лесное сражение разыгралось по особому. Рукопашные схватки, неожиданные засады, скрытые переброски сил, борьба группами и в одиночку на редких завалочных полянах, — все это и был лесной бой.

Особенно сильный удар выдержала группа бойцов, оборонявшая центр наших позиций. Именно здесь отличился красноармеец тов. Анисимов. Прикрывая тактический отход своей группы, он замаскировался на дереве и оттуда вел прицельный огонь по фашистам. 19 немцев пытались просочиться в этом месте, но ни один не ушел от меткой пули. Вскоре у Анисимова кончились патроны, и он спустился на землю. Здесь его неожиданно окружила ватага пьяных немецких солдат.

— Рус, сдавайся!—кричали они.

В отчаянной схватке четырех он заколол, остальные разбежались.

Героически дрались с врагами автоматчиков. Краснов, минометчик-орденоносец тов. Туфанов, политрук тов. Саломасов, связной тов. Зрюнин, старшина тов. Чудаков и десятки других. Третья атака окончилась для немцев так же плачевно, как и предыдущие.

До вечера подразделение отбило шесть атак немецкого батальона. Немцы выдохлись, но продолжали рваться вперед. В последний раз им удалось ценой огромных потерь прорваться в глубь нашей обороны. Положение спас Владимир Легов, который опять появился на самом опасном участке,—там, где решалась судьба боя. При отражении предыдущих атак бойцы продемонстрировали замечательную стойкость, хитрость, упорство в обороне. Сейчас они показали непревзойденный пример рукопашного боя. Во главе стрелкового отделения лейтенант опрокинул немецкий взвод и, умело используя местность, стал отжимать гитлеровцев к завалу. В самый решающий момент Легов воскликнул:
— За родину! Вперед, на врага!

Завязалась рукопашная схватка. 12 бойцов и их любимый командир кололи немцев штыками, били прикладами, сметали все на своем пути. Седьмая немецкая атака провалилась. В лесном бою леговцы уничтожили свыше 250

гитлеровцев, а сами имели небольшие потери: четверо убитых и 11 раненых.

Н. ИЛЬИНСКИЙ.

Брянский фронт. (Спецкор. „Правды“).

Рождение бессмертия

В этой армии, сражающейся за свободу Ленинграда, нет сейчас человека, который не знал бы об Иване Смирнове. Когда в лесные дебри переднего края прибывает новое пополнение, первый, о ком слышат молодые бойцы от бывалых товарищей,—это Иван Смирнов. Смирнова ставят в пример всем, его любят, как любят свое полковое знамя. Каждый боец в тайных своих мечтаниях хочет обладать такими же качествами, какими обладал этот Иван Смирнов. Не раз приходилось слышать:— „А уж коли случится погибнуть в бою, то не жаль и умереть, ежели меня будут поминать так, как Ивача Смирнова“.

Кто же такой этот легендарный Иван Смирнов, о котором ходит гордая слава? Как родилась эта слава? Как случилось, что имя его стало в армии символом героизма?

Приехав в эту армию, я уже не застал Смирнова, только легенды из уст в уста, только благодарная память о герое-товарище распрос-

транялись по батальонам и ротам. Но если все знали, что подвиг его бессмертен, то подробности об этом подвиге мало кто знал. Шли горячие бои, не подошло еще время разбираться в подробностях. О Смирнове пели песню, сложенную поэтом Всеволодом Рождественским, о нем упоминали в красноармейских газетах всякий раз, когда требовалось привести пример доблести,—но товарищей, лично знавших его, в том батальоне, в котором он жил как самый простой незаметный человек, один из миллионов рядовых защитников родины,—таких товарищей осталось немного. Одни разбрелись по разным частям, другие погибли в боях, иные просто, пока он был жив, не обращали на него особого внимания, а потому, запомнили только, кто—карий цвет его глаз, кто—добродушие и незлобивость его характера. Был он таким же, как все советские, словом, парень, командир отличный. А чтобы слишком к нему присматриваться,—да было это нам, что называется, ни к чему.

Мне захотелось узнать подробнее о его подвиге. В чаще леса, в одной из палаток, где хранятся наградные листки, нашел я такую запись:

— Смирнов Иван Васильевич—старший лейтенант, командир пулеметного взвода. Год рождения 1920. Национальность—чуваш. Кандидат в члены ВКП(б). Ранен дважды. Раньше не награждался. Постоянный адрес: Чувашская

АССР, Комсомольский район, Старо-Сундырский сельсовет, деревня Полевой Сундырь.

Тов. Смирнов и во время пребывания в отдельной пулеметной роте показал себя стойким, дисциплинированным, исполнительным командиром. Он воспитал своих бойцов в духе ненависти и презрения к гитлеровским захватчикам. Проявил любовь к социалистической родине, преданность партии Ленина—Сталина“.

Мы знаем, как пишутся наградные листы. Командиры рады бы высказать все от души, словами горячими и взволнованными, но уж такая у них привычка: в официальных документах быть сдержанными, суховатыми, точными, и вот что сказано далее:

„Бойцы под его руководством заняли рубеж немецкой обороны и стойко, мужественно продолжали отбивать натиски немецкой пехоты. Отрезав пехоту от танков, тов. Смирнов с двумя, оставшимися расчетами активно поддерживал одну из наступающих рот своего батальона. Свинцовым ливнем из станковых пулеметов он косил немецкую мразь. Когда, после жаркого боя, рота заняла рубеж, Смирнов в немецких траншеях продолжал громить врага гранатами. На помощь немцам подошли танки. Оставшийся пулеметный расчет командира Смирнова не дрогнул перед бронированными крепостями. Из расчета выбыли все пулеметчики. Смирнов сам взялся за пулемет и отрезал немецкую пехоту от танков. Выполняя

свой, священный долг перед Родиной, Смирнов не отошел ни на шаг и уничтожил из своего пулемета больше 50 гитлеровцев. Ближайший танк двинулся на него, но он продолжал стрелять. Герой-большевик погиб смертью храбрых вместе со своим пулеметом под гусеницами немецкого танка. Подоспевшее подкрепление частично уничтожило, частично, обратило в бегство немецкие танки. Рубеж остался за нами*.

Вот и все. Но память о герое-товарище подобна вину: чем дольше она сохраняется, тем она крепче, выдержаннее. Сначала она жила только в одном батальоне. Потом разошлась по полку, по дивизии, из уст в уста она распространилась по армии. Сейчас она уже ходит по всему фронту: простой человек в народной памяти становится былинным чудодеем-богатырем.

Не вся страна знает еще имя Смирнова. Жестокая война еще в полном разгаре. Тысячи других подобных героев еще не прошли многошумною славой по всему свету. Но эта слава ширится и растет. Будет день—мы завоюем блистательную победу. Пеплом и прахом развеется проклятый фашизм, и неумирающее имя Героя Отечественной войны Ивана Смирнова, прекрасный подвиг его устремятся в века, перекатываясь всенародной молвою из поколения в поколение.

Хороша жизнь и каждому хочется жить. Но

4. Сыны чув. народа.

кому из нас не хочется и умереть так, как умер Иван Смирнов? Кто из нас пожалеет для родины свою жизнь, зная, что родина дарит своим лучшим сынам бессмертие. Будем же, товарищи, все такими же стойкими, неустрашимыми, как пулеметчик Иван Смирнов.

Павел Лукницкий
Действующая армия. (Спец. корр. ТАСС).

Песня о пулеметчике Иване Смирнове

(На мотив „Партизан Железняк“)

На родине нашей, которой нет краше,
Немало отважных сынов,
И есть между ними родное нам имя—
Герой—пулеметчик Смирнов.
Фашистские твари на нас наступали,
Огнем все сметая с земли,
Без счета их было, но черною силой
Смирнова сломить не могли.
Снаряды с досады обрушили гады,
Их танк на героя идет,
Но с гибелью рядом в разрыве снарядов
Смирновский строчит пулемет.
Стальную громаду боец непреклонный,
Как родины доблестный сын,

Из ленты последней последним патроном
Встречает один на один,
Успел лишь сказать он:
„Товарищи, братья,
Вся родина к славе зовет“.
И в грохоте боя над телом героя
Бойцы отвечали: „Вперед“.
На родине нашей, которой нет краше,
Немало отважных бойцов,
И есть между ними родное нам имя,
Герой-пулеметчик Смирнов.

ВС. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

Это стихотворение было напечатано в фронтовой газете „Ленинский путь“ и сборнике „Песни“, изданном политотделом Н-ской армии в 1942 г.

Цена 1 р. 50 к.

Свены
публ.